

ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. С. АМАНЖОЛОВА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ УПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРЫ,
АРХИВОВ И ДОКУМЕНТАЦИИ ВКО

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-
ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

«Великая Отечественная война: история, методология,
современное осмысление»

Усть-Каменогорск, 2015

УДК 355/359
ББК 63.3(2)622.78
В 27

Редакционная коллегия:
Аубакиров А.А., Кувандыков А.У.,
Жанбосинова А.С., Рифель Л.П.

В27 «Великая Отечественная война: история, методология, современное осмысление». МАТ. МЕЖД. НАУЧ.-ПРАКТ. КОНФ.- Усть-Каменогорск, 2015.-621 с.

ISBN 978-601-7552-22-0

Материалы конференции посвящены истории и всемирно-историческому значению Великой Отечественной войны, новым методологическим подходам и методам исследования военной тематики. В научном сборнике нашли отражение публикации, посвященные памяти военных лет, оценки наследия Победы, воспоминания о войне в источниках официального и личного происхождения, военной повседневности. Материалы сборника рассчитаны на широкий круг читателей.

УДК 355/359
ББК 63.3(2)622.78

ISBN 978-601-7552-22-0

© ТОО «ВКПК АРГО», 2015

Точенов С.В.	500
Ивановская область на начальном этапе Великой Отечественной войны (лето – осень 1941 года)	
Тлеубергенева С.И.	516
Единство фронта и тыла – залог Победы в Великой Отечественной войне	
Тепляков А.Г.	537
Война и государственное насилие: демографический аспект	
Төлегенов Б.Е., Шаяхимов Д.К.	549
Қазақтың қайсар қыздары	
Уалтаева А.С.	555
Мы помним...	
Чаптыкова Ю.И	576
Образ воина-алыпа в романе И. Костякова «Шёлковый пояс»	
Щеглова Т.К.	587
Повседневные практики и система жизнеобеспечения сельского населения в борьбе с холодом и голодом в тыловой деревне Сибири как фактор победы в Великой Отечественной войне: новые подходы и источники в исторических исследованиях	
Шевцова О.Н.	601
Женщины Алтая – Герои Советского Союза Великой Отечественной войны	
Список авторов	612

прозы яркий национальный колорит фольклорного мышления с реалистическим повествованием, глубоким по трагическому пафосу. И от Костякова потребовалось все его мастерство в том, чтобы органично и целостно воспроизвести его это художественное единство.

Литература:

1 Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М.: Художественная литература, 1986. – С. 456.

2 Лихачев, Д.С. Поэтика древнерусской литературы – Л., 1971. – С. 237.

3 Теория литературы: В 2 т. Под ред. Н.Д. Тamarченко. – Т. 1: Тamarченко Н.Д., Тюпа В.И., Бройтман С.Н. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – М.: ИЦ «Академия», 2004. – 512 с.

4 Костяков, И. М. Шелковый пояс – Абакан: Хакас.кн. изд-во. 1966. – 221 с.

5 Бахтин М.М. Литературно-критические статьи – М.: Художественная литература, 1986. – 531 с.

6 Костяков, И. М. Шелковый пояс. – Абакан: Хакас.кн. изд-во. 1966. – 221 с.

УДК 94(470)

ЩЕГЛОВА Т.К.

Алтайский государственный педагогический университет,
Российская Федерация, г. Барнаул, tk_altai@mail.ru

ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ И СИСТЕМА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В БОРЬБЕ С ХОЛОДОМ И ГОЛОДОМ В ТЫЛОВОЙ ДЕРЕВНЕ СИБИРИ КАК ФАКТОР ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ И ИСТОЧНИКИ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ*

* грант РГНФ 15-31-01019.a1 «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации»

Изучение Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. всегда находилось в поле зрения исследователей. Но сегодня нельзя сказать, что эта тема исчерпана. Особенно пристальное внимание уделялось событиям на фронте, состоянию армии, стратегии и тактики, великим полководцам, подвигам рядового и офицерского состава. Применительно к восточным тыловым территориям внимание исследователей акцентировалось на эвакуации производственных сил, промышленных предприятий, учреждений образования, науки и культуры, развитию военного производства. Были темы, которые долгое время оставались закрытыми, например, депортации и спецпереселения в годы войны, история трудармий и трудармейцев. Существуют темы, которые находятся на периферии исследовательского поля. В частности жизнь и быт сельского тылового населения. В историографии основное внимание уделялось вкладу тыловой деревни в виде непосредственной помощи фронту провиантом, одеждой, табаком, тягловой силой. Трудовому подвигу посвящены десятки монографий, в которых описывается крайнее напряжение физических сил сельского населения на полях, токах, фермах, названы герои трудового фронта.

Но существовали и другие факторы победы, носившие опосредованный характер, без которых, ни фронт, ни общество не выстояли бы в годы войны. Этот вклад невозможно измерить количественно, но не учитывать нельзя. Речь идет о повседневной жизни тыловой деревни, о жизненных стратегиях и адаптационных практиках оставшегося населения тыловой деревни. Для оценки условий проживания и существования необходимо ввести термины, которые отражают социально-материальное состояние и возможности сельской семьи. На наш взгляд, для одних категорий населения их можно назвать трудными, для вторых - экстремальными, для третьих - чрезвычайными.

Условия жизни основной массы сельского населения, по нашему мнению, являлись трудными и экстремальными. Историкам необходимо больше внимания уделить сельской военной повседневности, способам борьбы сельского населения

тыловой деревни с голодом и холодом. И, воздав должное боевому и трудовому подвигу, акцентировать внимание общества на системе жизнеобеспечения, адаптационных практиках сельского населения, благодаря которому выстоял и фронт, и город. Объективными условиями возвращения крестьян в колхозных и совхозных социумах к традициям культуры жизнеобеспечения являлся ряд факторов, под влиянием которых сформировались адаптационные практики выживания.

К объективным экстремальным условиям относились следующие:

1. Государство обеспечивало минимум средств существования в годы войны при помощи карточной системы, прежде всего, труженикам оборонных предприятий и городскому населению. Государственная карточная система на сельское население не распространялась.

2. Социалистическая модернизация преобразовала единоличную деревню в колхозную, оставив население без денег. Крестьяне за свой труд получали трудодни-палочки, за которые в годы войны выдавались 250-300 граммов зерна в сутки (стакан) [1, с. 212]. Сельскохозяйственная продукция колхозов почти полностью изымалась в государственный фонд на нужды фронта. «Помню, в один год заработала, будто бы 3 центнера пшеницы. Именно «будто бы», так как из них мне не досталось ничего. Все ушло в фонд фронта. Несмотря на непосильные налоги, еще давили в то время и военные займы. Короче, государство со всех сторон прижимало» [2, Голотова (Костенко) Надежда Тихоновна, 1922 – 2001 гг., с. Романово]; «трудодни начисляли... давали на них зерно, семечки, но мало» [2, Бондаренко (Бондарь) Анастасия Кирилловна, 1923 - .2008 гг., с. Романово]. Лишь иногда на трудодни выдавались деньги, но цены на товары были несоизмеримо выше. Например, в 1943 г. колхозники Западной Сибири получили на трудодень по 88 копеек. За год они зарабатывали столько же, сколько рабочие за месяц [1, с. 212]. Поэтому труд не являлся для сельского населения источником обеспечения жизнедеятельности. Необходимо было искать другие способы пропитания.

3. Усугубляли положение деревни демографические и материально-технические изменения: мобилизация мужчин на фронт, неблагоприятный половозрастной состав крестьянского общества тыловой деревни, мобилизация техники и тягловой силы на фронт, а трудоспособного населения – на колхозно-совхозное производство, с посуточным или ежедневным пребыванием в выездных бригадах, на полевых станах. «Мужиков забрали в этот же день и на следующий. А, вскоре, последние мужчины ушли в трудармию на работы. И все легло на плечи женщин и подростков. Дети с 12 лет, а то и раньше, возили копны, косили сено литовками. Был один трактор, на котором работала женщина». [2, Курганская (Пархоменко) Александра Александровна, 1918 г.р., с. Мормыши]; «В первые же месяцы войны забрали всех взрослых мужчин. Подошла бортовая машина, загрузились в нее под завязку, стоя. Не оставили даже врача... Следом «подобрали» и остальных помощников женщин – молодых ребят. Почти все – одногодки... 1924 г.р., 1922 г.р. 1925 г.р... Росли все вместе, работали вместе, провожали девчат после «гузовок» домой, дарили им браслеты из речного камня... Ни один не вернулся домой» [2, Худокормова (Дворянкина) Анна Семёновна, 1922 г.р., пос. Майский].

Неблагоприятная демографическая ситуация вела к пересмотру ролей в обществе, особенно по отношению к женщинам, укрепила растущий авторитет женщин и одновременно оторвала от семьи. Это вело к формированию жизненных стратегий нетрудоспособных членов семьи с опорой на традиционные модели хозяйствования. Корректировали ситуацию неблагоприятные субъективные условия.

1. Модернизированная советская модель хозяйствования отстранила домохозяев от средств производства. Раскрестьянивание и ликвидация семейного земледелия, скотоводства, незавершенность формирования колхозно-артельно-совхозного производства с перманентно низким материальным достатком домохозяев, репрессивные кампании усугубили положение сельского населения в ухудшившихся социально-экономических условиях военного времени.

2. Сужали возможности крестьянской семьи в борьбе с голодом и холодом введение налогов на колхозное и личное подсобное хозяйство: «Тогда ведь как, молоко - надо сдать, яйцо – надо сдать, шкуру – надо сдать. Картошку все. Писали: «Дети и женщины держали фронт» [3]. «Огороды, конечно, были. Было и хозяйство: куры, овцы, корова, но что доставалось семье от них, когда приходилось сдавать и шерсть, и яйца, и молоко» [2, Голотова (Костенко) Надежда Тихоновна, 1922-2001 г.р., с. Романово]. В материалах интервью содержатся описания сдачи картошки: когда отделяли крупную и мелкую, иногда с помощью «просеивания» через сито, и мелкую оставляли семье, крупную сдавали. Были введены военный и сельскохозяйственный налоги; вынуждая колхозников продавать на городских базарах часть получаемой продукции: «Ведь хлеб, что выращивал колхоз - для фронта, картофель с личных огородов – для фронта и когда собирали колоски, мама говорила, что чем больше мы соберем, тем папа на фронте больше получит хлеба...» [2, Рзянина (Илющенко) В.И., 1938 г.р., с. Гуселетово]. «Работали и жили тяжело, впроголодь... Не хватало хлеба, все отдавали детям. У бабушки с братьями была коровка, именно она помогала выжить в голодные военные годы. Но был еще и госплан, с каждого двора необходимо было сдать в год 3 ц 40 л молока, 300 штук яиц, сдавали телят, 3 ц картошки... Картошки сажали много, оставалось и самим на всю зиму, весной сажали, бывало и одни глазки с очисток» [2, Худокормова (Дворянкина) Анна Семёновна, 1922 г.р., пос. Майский].

3. Наконец, на жизненные стратегии в обеспечении пищей, одеждой, жилищем влияла выявленная в ходе полевых исследований социальная дифференциация в военной деревне, сформировавшаяся вследствие советской модернизации и репрессивной политики. У разных социально-профессиональных групп сельчан были неодинаковые условия и возможности адаптации к военному времени: у «колхозников», «совхозников», «работников интеллектуального труда», рабочих государственных учреждений (например, леспромхоз) или МТС. Об этом пока мало исследований. Если в мирное время лучше

жились «совхозникам», которые «были с деньгами», о чем автор писала неоднократно [4, 5, с. 447-464], то в войну система физического жизнеобеспечения была крепче у населения колхозного сектора. Об этом говорят сами информанты: «В селе был колхоз и совхоз. Колхозники жили получше, так как могли оставить себе и пшеницу на муку, и молоко, и скот на мясо... В совхозе дела обстояли хуже — там все сдавали государству» [6, с.44]. Еще тяжелее было интеллигенции: «Тяжело жили. Вот были такие у нас Павловы. Они ушли на Рубцовку, но это в войну. У их семеро детей, отца забрали. Он был счетоводом у нас, а жена не умела даже выращивать вот картошку.... Не могла она этого делать, и вот они ходили побираться.... Кто подаст, а кто не подаст, и она ушла. У город ушла, у Рубцовку, и спасла всех детей» [6, с. 116].

4. Социально-материальные условия репрессированных и депортированных переселенцев были не только трудными или экстремальными, а «чрезвычайными». Насильственное переселение на территорию Сибири депортированных народов и многочисленные предвоенные и военные репрессии привели к подвижке населения, вынужденного решать проблемы обустройства на новом месте без государственной поддержки. А так как все репрессивные кампании (и раскулачивание, и депортация, и спецпереселения) осуществлялись по-семейному принципу, то в сибирской деревне формировались большие группы населения, которым приходилось бороться с голодом и холодом на «голом месте», исходя «из подручных средств», например, обустройство жилой среды с опорой на традиции с использованием земли, дерна, чащи, глины, соломы, камыша и т.д. (землянки, пластанки, мазанки). Частью этих проблем стала не только физическая, но и социальная адаптация депортированных и спецпереселенцев в тыловой деревне в условиях массовой идеологической дискредитации в рамках кампаний борьбы с «врагами народа» или «потенциально ненадежными народами», преодоление негативного отношения и враждебности сельских сообществ, получавших похоронки. Так же приходилось адаптироваться и местному населению к иным

культурным привычкам, навыкам переселенцам. На адаптацию сибирского населения оказывало влияние и поведение и чувства незаслуженной обиды и оскорбления со стороны депортированных и спецпереселенцев [7].

В изучении повседневных практик и жизнеобеспечение жизнедеятельности сельского населения тыловой деревни в военных условиях нужны новые подходы и новые источники. Рассмотрим их.

Во-первых, вопросы питания, обеспечения жилищем, одеждой, топливом мало или совсем не отражаются в документах государственных фондохранилищ. Эта информация хранится в коллективной и индивидуальной памяти очевидцев военной поры. Историками уже упущено время фиксации жизненного эмпирического опыта. Ушло из жизни поколение 1900-1910-х г.р. Остались единицы трудоспособного поколения 1920-х г.р. Быстро уходит поколение детей войны 1930-х г.р. Необходимо торопиться с созданием новых источников, основанных на мобилизации исторической памяти. Технологии методов и способов получения, фиксации и оформления (документирования) информации разработаны новым направлением исторических исследований - устной историей (oral history). Необходимо менять и отношение академического сообщества историков, которые с недоверием относятся к источникам устного происхождения и признают только письменные. Устные источники полноправны письменным архивным документам. И для тех, и для других характерны и объективность, и субъективность. Опыт, например, переписей 1937/39 годов или делопроизводственных документов в виде отчетности низовых организаций вышестоящим, от которых зависело финансирование, демонстрируют субъективность и недостоверность отдельных архивных письменных документов. Писать «угодные» отчеты под финансирование или под «награды», в том числе статистические данные, в государстве с жесткой вертикальной властью являлось традицией российского делопроизводства. При использовании и тех, и других источников необходима внутренняя и внешняя критика, которой

не всегда следуют исследователи, априори выдавая цифры и факты из письменных документов за достоверные. Работа и с устными, и с письменными документами требует от исследователя источниковой оценки.

Комплектованием коллекций документов личного происхождения с опорой на устную историю должны более активно заниматься и историки, и архивисты. В устной истории разработана методика создания источников на основе материалов интервью, документирования устной информации и архивирования документов устного происхождения, совершенствуется технологии научной интерпретации. И только в России, по-прежнему сохраняется недоверие к источникам личного происхождения, в т.ч. источникам устной истории.

Во-вторых, в изучении повседневных практик населения тыловой деревни в экстремальных условиях необходимо использовать подходы и концепции социально-культурной антропологии и этнологии. На сегодняшний день вследствие своеобразной «изолированности» историков и антропологов/этнологов в изучении военной деревни упущены возможности адекватной реконструкции исторического прошлого. Союз истории с устной историей, с этнологией, с социально-культурной антропологией расширяет историческое исследовательское поле. Эффективным в изучении военных повседневных практик является теория культуры жизнеобеспечения, которая поддерживала жизнедеятельность сельского общества в экстремальных условиях военного времени. Этот термин прорабатывался в совместных публикациях С.А. Арутюнова, Э.С. Маркаряна и Ю.И. Мкртумяна, окончательное теоретическое оформление понятия КЖ произошло в конце 1980-х гг. с выходом в свет книги С.А.Арутюнова «Народы и культуры: взаимодействие и развитие». В ней автор дал важное для нас определение: "КЖ - та часть культуры, которая непосредственно направлена на поддержание жизнедеятельности ее носителей» [8].

Устная история предоставляет источниковую базу о базовых элементах культуры жизнеобеспечения, к которым относились

жилище, пища, одежда и о периферийных элементах, к которым автор относит санитарию, гигиену, отопление и топливо, народную медицину и другие элементы, которые в совокупности с базовыми составляли систему жизнеобеспечения сельского населения тыловой деревни. Комплексный подход в определенной степени реализован автором в ряде публикациях о собирательстве и использовании в пищу дикорастущих растений; о формах и видах собирательства; о высокой горизонтальной и вертикальной мобильности крестьянской семьи в годы войны; о половозрастных особенностях в жизненных стратегиях в борьбе с холодом и голодом; о возвращении к архаичным традициям жилищно-производственного строительства с использованием природных «сподручных материалов» (глина, камыш, солома, валежник, нестроевой лес); о социально-политической адаптации разных категорий сельского населения (местных и пришлых) сибирской деревни в условиях государственной политики формирования «образа врага» и массовых депортаций и спецпереселений; о разных адаптационных практиках социумов деревенского мира сформировавшихся в ходе социалистической модернизации (колхозников, «совхозников», интеллигенции и др.), обеспечение белковой пищей с помощью ловчих промыслов, охоты, рыболовства и т.д.

Например, интересным для исследователей повседневности и быта военной деревни является подход к элементам системы жизнеобеспечения с подразделением их на основные и второстепенные, в частности, изменение статуса многих продуктов питания, одежды, строительного материала, топлива. В годы войны наблюдалось вытеснение основных элементов КЖ жизнеобеспечения на периферию и, наоборот, периферийных, вспомогательных элементов в центр системы жизнеобеспечения крестьянской семьи. Например, хлеб из главного продукта уходит в разряд периферийных праздничных; на его замену приходит суррогатный продукт – мучные изделия с добавлением дикоросов (лебеда, рыжик, крапива, сурепка и т.д.). Например, замена и подмена в мучные изделия суррогатов: «Жили впроголодь, уже подмешивая в пшеничные лепешки лебеду, «калачики» [2,

Худокормова (Дворянкина) Анна Семёновна, 1922 г.р. пос. Майский]. Наряду с лебедой – царицей трав в войну подмешивали кашку, сурепку, рыжик. Из последнего изделия, те же калачики выглядели аппетитно, но на вкус были хуже чем серобурые лепешки с лебедой: «приходилось питаться, чем попало. В основном, рыжик всегда выручал. Такой вонючий! А ведь ели» [2, Кальней Анна Максимовна, 1918-1998 гг., с. Романово].

В этом плане автор предлагает ввести термин «заместительные технологии. Примером является замещение традиционного для доколхозного крестьянства использования дров «на своеобразные суррогаты» топлива. Так для отопления жилища возникает своеобразное собирательство шишек, соломы, бурьяна, полыни, изготовление кизяка и т.п. Те же заместительные технологии отмечались в строительстве. В обустройстве жилой среды строевой лес заменяется дерном, глиной, соломой, камышом, валежником, чащей и другим «сподручными материалами». Тогда как в досоветский период для сельских обывателей (крестьян) на территории Алтайского горного округа «норма бесплатного отпуска определена по 50 строевых бревен и 5 куб. сажен дров в год на каждую платежную душу». В частности, крестьяне Бухтарминской волости «строевой и дровяной лес имеют право... получать бесплатно в размере 50 бревен и 5 куб.саж. дров на платежную единицу. По числу 1575 окладных душ крестьяне в 1882 г. могли получить 78750 бревен и 7875 куб. дров», а крестьяне Верх-Бухтарминской волости «сколько им надо было лесу на постройки и дров для топлива, они брали из облегающих селения волости боров, без платежа попенных денег, т.к. леса эти находятся без всякого присмотра» [9, с. 61, 71]. В советский период ситуация с обеспечением срубным лесом и дровами изменилась, а для колхозников превратилась в проблему. Сами колхозники так и говорили, «что лесу у колхоза не допросишься» А в годы войны и просит было не у кого «даже березу боялись брать»: «Рубить в колках дрова не разрешали, поэтому - чем топить?» «Наказывали, Боже упаси, чтобы взять какой-то продукт с поля или с тока! Ни пшеницу, ни

свеклу — ни в коем случае! За это очень-очень строго наказывали!» [6, с. 180]. Поэтому строительный лес и дрова из основных компонентов культуры жизнеобеспечения перешли в разряд второстепенных, а срубные технологии заменялись дерновым, глинобитным и каркасным строительством. Подобные адаптационные практики формировались на основе заместительных технологий.

Большие возможности в изучении военной повседневности дают концептуальные подходы теории «крестьянской цивилизации», когда «традиционная культура» рассматривается в роли подстраховщика [10, с. 81, 107]. А в рассматриваемой проблеме, крестьянские традиции стали подстраховкой для сельского общества в экстремальные годы и чрезвычайные ситуации войны. В этом смысле особо ценными представляются в социально-культурной антропологии положения о выработанной крестьянством системе преодоления трудностей и созидательный характер традиционных культур [11, с. 48 - 54, 54 - 57с. 81]. В годы войны подстраховка «традиционной культуры» проявилась в удовлетворение таких жизненных потребностей как пища с опорой на традиции взаимодействия сельского общества с природной средой; одеждой — с опорой на традиции домашних промыслов по изготовлению ткани, постельных принадлежностей из растительных волокон и шерсти; льна, конопли, удовлетворение в лекарствах и способах лечения — использованием растительного и минерального сырья, известного в народной медицине. Реализатором подстраховки крестьянской традиционной культуры являлось пожилое население деревни, являвшееся носителем традиций единоличного хозяйствования с его опорой вековые традиции общения с природой. На взгляд автора, должным образом не оценены историками роль пожилого населения, бывших крестьян-единоличников в формировании системы жизнеобеспечения сельских сообществ, формировании самой стратегии выживания, особенно детей младшего возраста.

Ярким примером являются ловчие промыслы на сусликов, которые буквально спасли военную деревню, являясь

заместительной технологией в обеспечении голодающей деревни белком: «Семья выживала, как могла. Питались в основном травой и падалью. Летом ловили сусликов, обдирали, варили и жарили... Хлеба видели мало» [2, Корабельникова И.Е., 1932 г.р., с. Мормыши]. Даже работающим колхозникам на стане, в бригаде, в поле при случае готовили сусликов: «Большим подспорьем в питании стали суслики. Ловили их чаще выливанием воды в норы. На полевом стане была большая общественная баня. Котел в ней стоял огромный и мог вместить десятки тушек сусликов для жарки. Словом, летом можно было жить». [2, Крымский Иван Васильевич. 1931 г.р. с. Романово]. Этот промысел был известен земледельческой культуре с ранних времен, как способ борьбы человека с грызунами за урожай. В советские 1920-1930-е годы существовали «сусличий промысел», «сусличьи склады» для приема шкурок, торговые точки по отовариванию охотников на «песчаника» хлебом и промтоварами. Известны постановления, направленные на защиту общественного земледельческого производства от сусликов. Так Постановлением совета комиссаров КАССР был утвержден план заготовки суслика на 1934 год в количестве 3 млн. штук на 5 областей заготовителями Каззаготпушнина 65%, Потребзаготпушнина -35%. «Сусликовые базы» создавались повсеместно на всех земледельческих территориях, с «началом песчаниковой кампании» мобилизовывался весь машинный и гужевой транспорт для обеспечения «всех заготовителей песчаника капканами, а также необходимым количеством упаковочных материалов» а также создавались пункты отоваривания, например, хлебом «норму установить для колхозов и колхозников 450 гр. и отличникам 400 гр. за каждый рубль песчаника (4б).» и для промтоваров устанавливался ассортимент по регионам, например, «хлопчатки 50%, махорки 5%, нитки 2%, кожтовары 15%, чай 10%, сахар 11%, мыло 7% (всего 100%) (4а)» [13]. В годы войны промысел на сусликов стал важнейшим элементом системы жизнеобеспечения.

Наконец, борьба с голодом и холодом актуализировали навыки жизни с опорой на природную среду конкретной

местности, что возможно анализировать только с использованием концепции регионализма. «Симбиоз крестьянской семейной экономики и кормящего ландшафта» и в силу разнообразия природной среды территорий опирался на конкретные возможности регионов - степных и лесостепных, приречных и горных, и других территорий. Например, в собирательстве ягоды – паслена по огородам, смородины, ежевики и малины по «легам» и приречном зарослям, клубники – на лугах, пригорках и горах, земляники, черники – в бору; клюквы и брусники по лесным топям и болотам, черемухи, боярки, рябины, калины в приречных долинах, околках и т.д.

Таким образом, для историков мобилизация новых исследовательских технологий на основе междисциплинарного подхода открывает огромные возможности в исследовании Великой Отечественной войны, расширяют исследовательское поле, вносит коррективы в понятия «Великая победа», «Подвиг народа». Важными факторами и победы, и подвига являлись повседневные практики сельского населения, адаптационный потенциал «традиционной культуры» народов. Расширяя понятия «Великой победы» и «Великого подвига народа», важными составными которых являлась культура жизнеобеспечения, адаптационные традиции крестьянской повседневности, аскетизм и жизненные стратегии крестьянства, ученые историки воздают должное и гражданскому мужеству рядовых участников тыловой деревни, вкладу массового сельского населения в исход Великой отечественной войны. В связи с этим можно сказать, что история в союзе с устной историей, этнологией, антропологией, регионалистикой открывают дорогу для введения в исторические научные тексты массового рядового участника исторических процессов. Традицией отечественной истории всегда было введение в историю великих личностей, выдающихся представителей, а вот навыки введения в научные тексты массового рядового участника при опоре только на традиционные методики, технологии и источники отсутствуют. Поэтому акцентуация на адаптационные практики с опорой на междисциплинарный подходы являются одним их выходов из

создавшегося в отечественной историографии традиции историописания.

Литература:

1 Исупов В.А. История Сибири: [в 3 ч.]: учебное пособие для 9 класса общеобразовательных учреждений. Ч. 3. Сибирь, XX век. 2-е изд., испр. Новосибирск : ИНФОЛИО-пресс, 2000. - 329 с.

2 Сборник воспоминаний граждан Романовского района о событиях Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. Рукопись. Архивный отдел администрации Романовского района. Часть 1. Женщина и война. Часть 2. Дети войны.

3 Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2014.: Романовский район, с. Гуселетово, Сычева Р.Д., 1927 г.р.

4 Щеглова Т.К. Алтайская деревня в 1950-1970-е гг.: устная история безгласного большинства / Т. К. Щеглова // История Алтайского края. XVIII-XX вв.: научные и документальные материалы / Барнаульский государственный педагогический университет, Кафедра отечественной истории; [редкол.: Т.К. Щеглова (отв. ред.), А. В. Контев]. – Барнаул, 2005. – С. 387-417

5 Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история : монография / Т.К. Щеглова. – Барнаул : БГПУ, 2008. – 527 с. : ил.

6 Алтайская деревня в рассказах её жителей / Управление Алтайского края по культуре и архивному делу; науч. ред.: Т.К. Щеглова, Л.М. Дмитриева ; под ред. Л.А. Вигандт. Барнаул: Алтайский Дом печати, 2012. - 447 с.

7 Щеглова Т.К. «Свой» и «чужой»: взаимоотношения местного населения и российских немцев на Алтае в контексте государственной политики формирования и использования образа врага в период депортаций // Российские немцы. От истоков к современности : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию Манифеста рос. императрицы Екатерины II и начала массового переселения немцев в Россию, 75-летию Алт. края, 70-летию со времени мобилизации совет. немцев в трудармию, г. Барнаул, 10-11 ноября 2012 г. / [редкол.:

Щеглова Т.К. (науч. ред.), Путилина Н.А.]. Барнаул, 2012. С.155-165.

8 Арутюнов С.А. Народы и культуры: взаимодействие и развитие. М.: Наука, 1989. - 247 с.

9 Ваганов Н.А. Хозяйственно-статистическое описание крестьянских волостей Алтайского округа / сост. А.А. Ваганов, А.П. Ухтомский. – СПб., 1885. Ч. IV. Бийский округ – 205 с.

10 Трушкова И.Ю. Традиционная культура русского населения Вятского региона в XIX – начале XX вв. (система жизнеобеспечения) Киров, 2003. -722 с.

11 Козлова Н.Н. Социально-культурная антропология. М., 1999. - 187 с.

12 Постановление Совета Народных Комиссаров КАССР № 59 "Утверждение плана заготовок суслика-песчаника на 1934 год". // История Актюбинской области: Электронный ресурс. Режим доступа: URL: <http://myaktobe.kz/archives/11632> (дата обращения: 11.01.2015).

УДК 94(470) «1941/1945»-055.2

ШЕВЦОВА О.Н.

Алтайский государственный технический университет
им. И.И. Ползунова, Российская федерация, г. Барнаул
olga.shevcova.1959@mail.ru

ЖЕНЩИНЫ АЛТАЯ – ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В истории нашей Родины было немало войн, в которых пришлось участвовать нашему народу, отбивая завоевательные походы иноземных захватчиков. Самой кровопролитной и тяжелой, самой значительной по своим итогам и последствиям была Великая Отечественная война. Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Для Советского Союза она была освободительной, справедливой, Советский народ и его Вооруженные Силы внесли решающий вклад в победу над фашистской Германией и ее союзниками, в освобождение народов Европы от фашистского рабства, в спасение мировой